

УДК 82.09

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-17-24

Пьеса Ю.К. Олеси «Список благодеяний»
в зеркале советской критики:
о статусе советской интеллигенции
в начале 1930-х гг.

Евгения В. Бродская

*Российский государственный гуманитарный университет,
eugenia.brodskaya@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается проблема интеллигенции и власти в 1930-х гг. на материале рецензии пьесы Ю.К. Олеси «Список благодеяний». В статье проанализированы рецензии советской критики, вышедшие на указанную пьесу. В статье показано, каким образом власть запускает механизм «перековки» интеллигенции (художников, поэтов, писателей), создавая из нее слой, который призван «обслуживать» государственный аппарат.

Ключевые слова: интеллигенция, советская власть, драматургия, перековка, советская журналистика, Ю.К. Олеша, советская литература

Для цитирования: Бродская Е.В. Пьеса Ю.К. Олеси «Список благодеяний» в зеркале советской критики: о статусе советской интеллигенции в начале 1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11(44). С. 17–24. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-17-24

“List of benefactions” a play by Jury Olesha
in the mirror of soviet criticism.
Status of the Soviet intelligentsia in the early 1930-s

Evgeniya V. Brodskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
eugenia.brodskaya@gmail.com*

Abstract. The paper deals with mutual attitude of intelligentsia and the soviet regime in the early 1930-s as it was reflected in a play “List of benefactions” by Jury Olesha. By the material of the soviet criticism reviews of this play it demonstrates the mechanism of “reforging” the intelligentsia (artists, poets, writers) into a social group destined to “service” the state apparatus.

Keywords: intelligentsia, Soviet regime, drama, “reforging”, Soviet journalism, Yury Olesha, Soviet literature

For citation: Brodskaya EV. “List of benefactions” a play by Jury Olesha in the mirror of soviet criticism. Status of the Soviet intelligentsia in the early 1930-s. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;11(44):17-24. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-11-17-24

Проблема взаимоотношений интеллигенции и революции, власти и народа волновала многих писателей в 1920–1930-е гг. Ю.К. Олеша заявляет в 1930 г.:

Мы, писатели-интеллигенты, должны писать о самих себе, должны разоблачать самих себя, свою интеллигентность. Нам, тридцатилетним, порою трудно посмотреть в лицо новому миру, и мы должны выработать в себе умение расставаться с «высокой» постановкой о своей личности [1].

Ю.К. Олеша был дружен с В.Э. Мейерхольдом и З.Н. Райх. На рубеже 1920–1930-х годов театр Мейерхольда переживал сложные времена: режиссер переругался со многими драматургами, а для постановки ему была «необходима живая пьеса» [2 с. 134]. В лице Олеша режиссер нашел «своего» автора. Олеша писал: «Будущим любителям мемуарной литературы сообщаю: замечательнейшим из людей, которых я знал в своей жизни, был Всеволод Мейерхольд. В 1929 году он заказал мне пьесу» [3 с. 25].

В октябре 1930 г. в рамках развернувшейся кампании по борьбе с «вредителями» журнал «Советский театр» публикует статью «Оружие искусства – против интервентов и вредителей», в которой представлена подборка выступлений на экстренном собрании работников искусства Москвы, состоявшемся 12 октября в Малом театре. Приходится выступать Мейерхольду (Советский театр. 1930. № 13/16), который вынужден говорить о «разоблачении вредителей... рассыпанных в громадном количестве по всем уголкам Советского Союза...» [цит. по: 3 с. 143].

Безусловно, все возрастающее давление советского официоза, атмосфера начала 1930-х годов влияет на замысел Олеси.

Фабула пьесы «Список благодеев» проста – актриса Елена Гончарова собирается в Париж, на гастроли. Она еще не знает, захочет ли там остаться или же вернется на родину. Елена (Леся) проговаривается подруге, что у нее есть секретная тетрадь, где она записывает «список преступлений» и «список благодеев» советской власти, и ее мятущаяся душа не в состоянии осознать: она «за» или «против» советской власти. Оказавшись в Париже, попав во всевозможные перипетии и увидев, что капиталистический мир подлее и хуже, а свобода на самом деле – несвобода, она выбирает советскую власть и революцию и погибает за нее на улицах Парижа.

В ноябре 1930 г. прокатывается волна демонстраций: трудящиеся требуют смертной казни вредителям (знаменитое дело Промпартии) [3 с. 147]. Мейерхольду и Олеше рекомендуют высказаться по этому поводу, тем более пьеса еще не прошла цензуру. Таким образом, в «Литературной газете» в ноябре появляется статья Олеси «В нашем словаре имеются и грозные слова» [3 с. 147].

В целом ситуация тяжелая, Ю.К. Олеса чувствует эту удушающую атмосферу и постепенно начинает отступать, как утверждает А.В. Белинков:

Из двух тем интеллигенция и революция и интеллигенция и после-революционное государство, – определивших борьбу Юрия Олеси, первая к началу 30-х годов оказалась исчерпанной, а вторая (как ее представлял писатель) не вполне желательной.

Еще возможный в эпоху «Зависти» конфликт поэта и общества становился также все более нежелательным. ...критики, которые созданы специально для того, чтобы точно формулировать, что именно необходимо читателям, все время настойчиво говорили об этом [1].

Первая рецензия на пьесу появляется в «Советском искусстве», где автор достаточно кратко сообщает потенциальному зрителю,

о чем пьеса, и берет интервью у Олеша, который сообщает, что это его последняя вещь об интеллигенции и далее он намерен переходить к другим темам. Автор констатирует, что основной замысел пьесы заключается в том, чтобы показать: «для советской интеллигенции нет иного пути – кроме как путь с пролетариатом» [4 с. 3].

Примерно через месяц после премьеры «Списка благодетелей», 8 июля 1931 г., появляется рецензия на пьесу популярного критика Эм. Бескина, в которой тот пишет:

Олеша завершает в социально-эпигонствующих, хоть и ярких по выразительности формах исторический путь оскудевающего интеллигента посленароднического периода. Самым характерным для этой интеллигенции была ее раздвоенность, гамлетизм. Проклятое «быть или не быть» – куда, с кем. С одной стороны, традиционно-либеральный «бунт» против древнерусской силы, гнетущей «свободу» и «разум», с другой – боязнь оскала классовых зубов пролетариата, всякий раз, когда он выступал как историческая сила и ломал рационалистически-розовые схемы этой самой интеллигенции [3 с. 3].

Бескин придает некоторым фразам нарочито иронический оттенок, заключая слова типа «свобода» и «разум» в кавычки, будто дистанцируется от них [5 с. 3].

Интересно, что данная рецензия появилась только после того, как в «Литературной газете» выходит «Открытое письмо Ю. Олеше» А.П. Селивановского. «Литературная газета» имела вес в системе координат советской прессы и выражала официальную позицию писательского руководства, так что появление такого письма неслучайно, а Бескин просто «закрепляет» официальную позицию по отношению к пьесе Олеша, печатая отрицательный отзыв в «Советском искусстве».

Селивановский пишет, что Олеше нужно определиться с его отношением к социалистическому будущему:

Тут не академические споры происходят между сторонниками искусства – мировоззрения и активного воздействия на жизнь, и сторонниками искусства – чревательства, (*sic!*) тут классы столкнулись между собою в области искусства. С кем же вы, Олеша? [6 с. 3].

Намек более чем прозрачный. Нет ничего удивительного в том, что Олеша говорит в «Вишневой косточке»: «Я хватаю в себе самого себя... <...> Я хочу задавить в себе второе “я”, третье, и все “я”, которые выползают из прошлого. Я хочу уничтожить в себе мелкие чувства» [6 с. 3].

На диспуте «Художник и эпоха» 1932 г. Олеша уговаривает себя:

Я думаю, что класс делает искусство в союзе со временем все-таки. Я думаю, что моя писательская функция (моя лично – я как-то привык себя рассматривать одиноким среди попутчиков), моя линия – продумать вопросы искусства, для того, чтобы подготовить путь для грядущего пролетарского художника... [7 с. 271].

«Проблема» интеллигенции, которую власть обособила и уделяла ей все более пристальное внимание, приобретала в общественном сознании ярко выраженные черты. Еще в 1929 г. С. Динамов в журнале «На литературном посту» публикует подробную статью «К проблеме интеллигенции», где, в частности, отмечает выступление А.В. Луначарского в 1925 г. на диспуте «Судьбы современной интеллигенции». Луначарский говорил, что интеллигенцию считать классом никак нельзя, что она должна найти свое место между классами [8 с. 42]. Неудивительно, что относительно скоро возникает «Открытое письмо Ю. Олеше» Селивановского в «Литературной газете».

Поле, в котором Олеша мог жить и работать, стремительно сужается. Неслучайны здесь диспуты вроде «Художник и эпоха», собрания, где приходится выступать деятелям искусств, клеймя «вредителей» новой империи – Страны Советов. Власть постоянно объясняет художнику, как он должен создавать то или иное произведение искусства, какие чувства при этом должен испытывать, на что обращать внимание, на что не обращать внимания – за этим теперь пристально следит руководство страны. Неслучайно создаются институты, которые призваны оценивать, насколько художники «подходят» новообразовавшемуся государству, которое декларирует власть пролетариата. В советское время был принят своеобразный жанр оценки – «письма трудящихся» или выступления «человека труда» на очередном собрании, который буквально «ставил оценку» очередному писателю или режиссеру. И Олеше, и Мейерхольду, и другим режиссерам, музыкантам, художникам, писателям, поэтам – приходилось существовать в этом режиме каждый день.

Олеша начинает сдавать свои позиции. В советской прессе происходит усиленное наступление на Олешу, будто критики сговорились «перевоспитать» писателя, который смел произносить то, что думает. Рецензия в «Комсомольской правде» появилась вслед за статьей в «Советском искусстве». В ней отчетливо слышна

позиция превосходства автора над Олешей и гордость – вот он, рецензент, смог увидеть то, что недоступно было самому писателю и драматургу, и то, что обязательно надо объяснить зрителю.

Автор статьи, Уриэль, подчеркивает, что, несмотря на все попытки, Олеша никогда не будет «с пролетариатом», потому что тоскует по ушедшему прошлому и даже герои у него смотрят все время в прошлое. Да, Гончарова раздваивается и мечется, но это свойство интеллигента в принципе – у нормального пролетария не может быть никаких раздвоений, поэтому все, что остается Олеше – это убить свою героиню:

Он казнит ее как советский патриот, но он не дискредитирует, не разоблачает круг порочных идей Гончаровой. «Заговор чувств» и идеи старого мира не разбиваются драматургом без остатка [9 с. 3].

Уриэль хвалит режиссуру Мейерхольда, заостряя внимание читателя на том, что особое внимание Мейерхольд уделяет классовой борьбе. Однако автор не забывает покритиковать режиссера: Мейерхольд слишком любит западную музыку. Олеша же назван самым ближним из «попутнических драматургов» [9 с. 3], что в данном контексте напоминает скорее неодобрение, чем признание.

Жестче выступают критики в газете «Вечерняя Москва». Один из рецензентов прямо обвиняет Олешу в том, что тот «неправильно поставил вопрос об интеллигенции... и слишком широко обобщил проблему, как всякий большой художник» [10 с. 3]. На драматурга оказывается давление, но под маской дружеского участия. Рецензенты дружно критикуют Олешу, но общая тональность примерно следующая: надо показать писателю, как правильно писать. Журналисты явно присваивают себе больше прав в этом вопросе, чем писателю. Правда, сам Олеша прекрасно это считает:

Пролетариату совершенно не нужно то, что мы называем интеллигентностью. Интеллигентностью в смысле достижения высот вкуса, понимания искусства, оттенков мыслей, недомолвок, душевных перемигиваний с равными себе. Ничего общего нет у пролетариата с так называемой нашей тонкостью. Это все – барское [11 с. 5].

Подобные рецензии вынуждают Олешу отступать. Вышедшие статьи показывают, что, будучи нацелены на широкую аудиторию, они искусственным образом формировали «общественное мнение», так как обратной связи – то есть официально озвученного мнения зрителя – не было.

Литература

1. *Белинков А.В.* Сдача и гибель советского интеллигента: Юрий Олеша. [Электронный ресурс]. М.: РИК Культура, 1997. 539 с. URL: http://modernlib.net/books/belinkov_arkadiy/sdacha_i_gibel_sovetskogo_intelligenta_yuriy_olesha/read (дата обращения 15 мая 2018).
2. *Олеша Ю.К.* Книга прощания / Сост. и предисл. В. Гудковой. М.: Вагриус, 1999. 480 с.
3. *Гудкова В.Ю.* Олеша и Вс. Мейерхольд в работе над спектаклем «Список благодеяний». М.: Новое литературное обозрение, 2002. 608 с.
4. *Крути И.* «Список благодеяний»: Театр им. Вс. Мейерхольда // Советское искусство. 1931. 3 июня. № 28. С. 3.
5. *Бескин Эм.* О флейте Олеша и нетленных мощах Гамлета // Советское искусство. 1931. 8 июля. № 35 (107). С. 3.
6. *Селивановский А.* Открытое письмо Юрию Олеше // Литературная газета. 1931. 30 июня. С. 3.
7. *Олеша Ю.К.* Пьесы. Статьи о театре и драматургии. М.: Искусство, 1968. 395 с.
8. *Динамов С.* К проблеме интеллигенции // На литературном посту. 1929. Январь. № 1. С. 42.
9. *Уриэль.* «Список благодеяний» // Комсомольская правда. 1931. 16 июня. С. 3.
10. *Залесский В.* Спектакль-предостережение для театра и автора: «Список благодеяний» в ГосТИМе // Вечерняя Москва. 1931. 12 июня. № 139. С. 3.
11. *Олеша Ю.К.* Тема интеллигента // Стройка. Ленинград. 1930. 31 марта. С. 5.

References

1. Belinkov AV. The surrender and death of the Soviet intellectual. Yuri Olesha. [Internet] Moscow: RIK Kul'tura Publ.; 1997. 539 p. (data obrashcheniya 15 may 2018) URL: http://modernlib.net/books/belinkov_arkadiy/sdacha_i_gibel_sovetskogo_intelligenta_yuriy_olesha/read (In Russ.)
2. Olesha YuK. The book of farewells / Compilation and introduction by V. Gudkova. Moscow: Vagrius Publ.; 1999. 480 p. (In Russ.)
3. Gudkova VYu. Olesha and Vs. Meyerhold working on the play "List of Benefactions". Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2002. 608 p. (In Russ.)
4. Kruti I. "List of Benefactions". Vs. Meyerhold Theater. *Sovetskoe iskusstvo*. 1931. June 3. P. 3. (In Russ.)
5. Beskin Em. On Olesha flute and imperishable relics of Hamlet. *Sovetskoe iskusstvo*. 1931 July 8. P. 3. (In Russ.)
6. Selivanovsky A. An open letter to Yuri Olesha. *Literaturnaya gazeta*. 1931. June 30. P. 3. (In Russ.)
7. Olesha YuK. Plays. Articles on theater and drama. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1968. 395 p. (In Russ.)

8. Dinamov S. Towards an issue of the intelligentsia. *Na literaturnom postu*. 1929. January; 1:42. (In Russ.)
9. Uriel. "List of Benefactions". *Komsomol'skaya pravda*. 1931. June 16. P. 3. (In Russ.)
10. Zalessky V. Performance-warning for the theater and the author: "List of Benefactions" in GosTIme. *Vechernyaya Moskva*. 1931. June 12. № 139. P. 3. (In Russ.)
11. Olesha YuK. Theme of the intellectual. *Stroika*. Leningrad. 1930. March 31. P. 5. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгения В. Бродская, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; 4erda4ok@gmail.com

Information about the author

Evgeniya V. Brodskaya, PhD in Philology, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; 4erda4ok@gmail.com